

Аркадий Аверченко

Чудеса в решете

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А19

А19 **Аверченко А.Т.**
Чудеса в решете / Аркадий Аверченко – М.: Книга по Требованию, 2017. – 64 с.

ISBN 978-5-458-12592-5

ISBN 978-5-458-12592-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

кулаками и ногами. Смѣшно? Публика смѣется... А что если бы привести сюда старушку-мать этого рыжаго съ ведромъ на голбвѣ; она, вѣроятно, и не знаетъ, чѣмъ занимается ея сынъ, ея дитя, котораго она укачивала на колѣняхъ, тихо цѣлуя розовыя пухлыя губки, глядя шелковистые волосики, прижимая мланденческой теплой животикъ къ своей многолюбящей материнской груди... А теперь по этому животу какой-то зеленощекий парень молотитъ своими ножищами, а съ пухлыхъ губокъ, измазанныхъ краской, стекаетъ мыльная пѣна, а шелковистыхъ волосиковъ нѣтъ—вмѣсто нихъ ужасные красные волосища... Каково это матери? Заплачетъ она и скажетъ:

Павликъ мой, Павликъ... На то ли я тебя ростила, холила. Дитя мое! Да что же это ты съ собою сотворилъ такое?!...

— Во первыхъ,—категорически заявилъ я,—ничто не помѣшаетъ этому рыжему, если онъ, дѣйствительно, встрѣтитъ свою мать—заняться какой-нибудь другой болѣе полезной дѣятельностью, а во вторыхъ—ты, кажется, выпилъ вина больше, чѣмъ нужно.

Пріятель пожалъ плечами.

— Во первыхъ, этотъ парень уже ничѣмъ другимъ заняться не можетъ, а во вторыхъ, я выпилъ вина не больше, а меньше, чѣмъ нужно, — въ подтверждение чего могу тебѣ связно и толково рассказать одну дѣйствительную исторію, которая подтвердить мое я во первыхъ.

— Пожалуй,—согласился я,—подавай свою исторію.

— Эта исторія, сказалъ онъ торжественно—подтверждаетъ, что человекъ, который привыкъ стоять на головѣ, не можетъ уже стоять на ногахъ, и человекъ, который избралъ себѣ профессію лягушки — не можетъ быть ничѣмъ другимъ, кромѣ лягушки—ни директоромъ банка, ни мануфактурнымъ приказчикомъ, ни городскимъ дѣятелемъ по выборамъ... Лягушка — останется лягушкой. Ну, вотъ:

Исторія итальянскаго слуги Джустино.

Какъ тебѣ извѣстно, а, можетъ быть, какъ тебѣ не извѣстно, я исколесилъ всю Италію вдоль и поперекъ. Признаться тебѣ—я люблю ее, эту грязную, лживую надувательскую Италію. Какъ-то разъ, шатаюсь по Флоренціи, попалъ я во Фьезоле—этакое мирное идиллическое мѣстечко, безъ трамваевъ, шума и грохота.

Я зашелъ во дворикъ маленькаго рестораника, присѣлъ къ столику и, заказавъ какую то курицу, закурилъ сигару.

Вечеръ теплый, ароматный, настроеніе у меня прекрасное... Хозяинъ терся-терся около меня, очевидно, собираясь что-то спросить и не рѣшаясь—однако, на конецъ, рѣшился и спросилъ:

— А что, прошу извиненія—не нуженъ ли синьору слуга?

— Слуга? Какой слуга?

— Обыкновенный, итальянскій. Синьоръ, видно, человекъ богатый, и ему, вѣроятно, нужно, чтобы кто иибудь ему служилъ. У меня есть для синьора слуга.

— Да на кой дьяволъ мнѣ слуга?—удивился я.

— Ну, какъ же. Развѣ можно жить безъ слуги? Всякій баринъ долженъ имѣть слугу.

Признаться, мнѣ это соображеніе никогда не приходило въ голову.

— "А вѣдь въ самомъ дѣлѣ,—подумалъ я.—Отчего бы мнѣ и не имѣть слуги? Въ Италіи я еще проброжу долго, а человекъ, которому можно взвалить на шею разныя мелкія хлопоты и дрязги—очень бы меня облегчилъ"...

— Ладно,—говорю.—Покажите вашего слугу.

Привели... Парень здоровый, коренастый, съ ласковой улыбкой и предобродушнымъ выраженіемъ лица.

Потолковали мы пять минутъ, и въ тотъ же вечеръ я увезъ его во Флоренцію.

Со слѣдующаго дня и началась моя трагедія.

— Джустино!—сказалъ я утромъ.—Почему ты не почистилъ мнѣ ботинокъ?

— О, синьоръ! Я не умѣю чистить ботинокъ,—заявилъ онъ съ искреннимъ огорченіемъ.

— Какой же ты слуга, если не умѣешь дѣлать такого пустяка! Сегодня же возьми урокъ у чистильщика сапогъ. А сейчасъ свари мнѣ кофе.

— Синьоръ! Осмѣлюсь заявить, что я не знаю, какъ варить кофе.

— Смѣешься ты надо мной, что ли?

— О, нѣтъ, синьоръ... не смѣюсь...—печально пробормоталъ онъ.

— Ну, а телеграмму сдать на почту ты сумѣешь? Заковать чемоданъ, пришить къ пальто пуговицу, побрить меня, приготовить ванну—сумѣешь?

И снова прозвучало грустное:

— Нѣтъ, синьоръ, не сумѣю. Я скрестилъ на груди руки.

— А что же ты умѣешь, скажи на милость.

— Будьте ко мнѣ, синьоръ, снисходительны... Я почти ничего не умѣю.

Во взорѣ его свѣтилась тоска и искреннее страданіе.

— Почти?! Ты говоришь "почти"... Значитъ, что иибудь ты умѣешь дѣлать?

— О, синьоръ! Да умѣю—но это къ сожалѣнію вамъ не нужно.

— Да что же это такое?

— О, не разспрашивайте меня... Мнѣ даже неловко сказать...

— Почему? А вдруг это мнѣ понадобится...
— Нѣтъ, нѣтъ. Клянусь святымъ Антоніемъ—вамъ это никогда не понадобится...
— Чортъ знаетъ что!—подумаль я, опасливо на него поглядѣвъ,—можетъ быть онъ до этого былъ разбойникомъ и рѣзалъ въ горахъ пробѣзжій народъ. Тогда, дѣйствительно, онъ правъ,—это мнѣ никогда не понадобится...

Однако, милое простодушное лицо Джустино самымъ нагляднымъ образомъ опровергало это предположение.

Я махнулъ рукой —самъ заварилъ кофе, сдалъ на почту корреспонденцію и вечеромъ приготовилъ себѣ ванну.

На другой день я поѣхалъ во Фьезоле и зашелъ въ тотъ самый ресторанчикъ, хозяинъ котораго такимъ подлымъ образомъ подсунилъ мнѣ "слугу".

Я усѣлся за столъ—и снова появился кланяющійся, извивающійся хозяинъ.

— Эй, вы,—поманилъ я его пальцемъ.—Что это за чортова слугу вы мнѣ подсунили, а? Онъ приложилъ руки къ сердцу.

— О, синьоръ! Онъ прекрасный человекъ,—добрый, честный и непьющій...

— Да что мнѣ въ его честности, когда онъ палець-о-палець ударить не можетъ. Именно—не можетъ... Не "не хочеть", а "не можетъ". Вы говорили—я господинъ, и мнѣ нужно слугу; а подсунили мнѣ господина, у котораго я играю роль слуги, потому что нѣтъ такой вещи, которую бы онъ могъ сдѣлать.

— Простите, синьоръ... Онъ можетъ кое-что сдѣлать и очень хорошо даже... Но это вамъ совсѣмъ не нужно.

— Что же это такое?

— Да ужъ я не знаю — говорить ли? Не хочется хорошаго парня конфузить.

Я ударилъ кулакомъ по столу.

— Да что вы всѣ, чортъ побери—сговорились, что ли!! Онъ умалчиваетъ о своей бывшей профессіи, вы тоже скрываете... Можетъ быть, онъ желѣзнодорожный воръ или морской пиратъ!!

— Сохрани Боже! Онъ служилъ по церковному дѣлу и ничѣмъ дурнымъ не занимался.

Крикомъ и угрозами мнѣ удалось вытянуть у хозяина всю исторію.

Удивительная исторія, глупѣйшая исторія,

Надо тебѣ сказать, что вся Италія отъ большихъ городовъ, какъ Римъ, Венеція, Неаполь—до самыхъ иаленькихъ—живетъ исключительно туристами. Туристы, это та "обрабатывающая" промышленность, которой кормится вся Италія. Все направлено къ уловленію туриста. Ихъ серенады въ Венеціи, развалины въ Римѣ, грязь и шумъ Неаполя—все это во славу форестьера во имя его кошелька.

Каждый городъ, каждый кварталъ въ городѣ имѣетъ свою достопримѣчательность, которая за двѣ лиры, за лиру, за мещца-лиру — показывается всякому шалому любопытствующему путешественнику.

Въ Веронѣ показываютъ могилу Джульеты, въ со борѣ св. Марка мѣсто, гдѣ на колѣняхъ стоялъ Фридрихъ Барбароса или еще кто-то... Исторія, живопись, скульптура, архитектура—все идетъ въ ходъ.

Есть въ сѣверной Италіи городишка—такой маленько такой скверный, что его даже и на картахъ стыдятся указывать. Даже не городишка, а нѣчто вродѣ деревни.

И вотъ деревушка эта стала чахнуть. Отъ чего можетъ чахнуть итальянская деревушка? Отъ безтуристия.

Есть туристъ—сыты всѣ; нѣтъ туриста—ложись и помирай.

И все населеніе деревушки со скорбью и тоской видѣло, какъ каждый день мимо нихъ проносились поѣзда, биткомъ набитые туристскимъ мясомъ; останавливались на минуту и, не выкинувъ ни одного англичанина или нѣмца—мчались дальше.

А на слѣдующей станціи половина туристовъ выползала съ поѣзда и шла осматривать городокъ, который сумѣлъ обзавестись собственной достопримѣчательностью: церковью, въ которой былъ кто-то убитъ или замурованъ, или къ стѣнѣ прикованъ; показывали и кинжалъ убійцы, и замурованное мѣсто, я цѣпи—что кому больше нравилось. А можетъ, никого тамъ никого и не убивали—итальянцы большіе мастера соврать, въ особенности, съ корыстной цѣлью.

И вотъ однажды разнеслась по всей округѣ чудесная вѣсть: что въ той деревушкѣ, о которой я говорилъ раньше, послѣ перестройки церковнаго купола, появилось эхо, которое повторяетъ звукъ не разъ, и не два раза, какъ это иногда случается, а восемь разъ.

Конечно, праздный, бездѣльный туристъ валомъ повалилъ на эту диковину...

Дѣйствительно, слухъ оправдался; эхо честно аккуратно повторяло каждое слово восемь разъ.

И вотъ "эхо деревни Феличе" совершенно забило "замурованнаго принца городка Санта-Клара".

Двѣнадцать лѣтъ это продолжалось: двѣнадцать лѣтъ лиры и мещца-лиры лились въ карманъ гражданъ деревни Феличе... И вотъ—на тринадцатый годъ (несчастливый годъ!) разразился страшный скандалъ: компанія богатѣйшихъ американцевъ съ цѣлой гирляндой разодѣтыхъ дамъ приѣхала посмотреть "эхо деревни Феличе". И когда эта пышная компанія вошла въ скромную церковку—эхо было, очевидно, такъ поражено блескомъ и роскошью компаніи, что въ отвѣтъ на крикъ одной дамы "Гудбай!" повторило это слово пятнадцать разъ...

Самый главный американецъ сначала изумился, потомъ возмущился, потомъ, расхохотался, а затѣмъ вся компанія, не слушая протестовъ церковной администраціи, бросилась отыскивать эхо... Обнаружили его въ замаскированномъ ширмой уголкѣ на хорахъ и когда вытащили "эхо", оно оказалось широкоплечимъ добродушнымъ парнемъ—короче говоря—моимъ слугою Джустино.

Двѣ недѣли вся Италия, прочтя о случаѣ съ "эхо Феличе", держалась за животики; потомъ, конечно, объ этомъ забыли, какъ забывается все на свѣтѣ.

Деревушка Феличе впала въ прежнее ничтожество, а Джустино—эхо Феличе—за свою неумѣстную щедрость лишился мѣста, на которое поступилъ еще мальчишкой—и, какъ человѣкъ, кромѣ эха ничего не умѣвший—очутился на мостовой.

Всякому человѣку хочется ѣсть... Поэтому. Джустино сталъ искать себѣ мѣсто! Онъ приходилъ въ какую-нибудь деревенскую церковь и предлагалъ:

— Возьмите меня на службу...

— А ты что можешь делать?

— Я могу быть эхо. Очень хорошая работа... Отъ 8 до 15 разъ.

— Эхо? Не требуется. Мы кормимся плитой, на которой раскаялся однажды Борджія; человѣкъ на ней пролежалъ ночь, а нашимъ предкамъ, намъ и потомъ камънашимъ—на всю жизнь хватить.

Усталый, брелъ онъ дальше.

— Эхо хорошее, церковное! Не нужно-ли? Отчетливое исполненіе, чистая работа.

— Нѣтъ, не надо.

— Да почему? Туристъ эхо любить. Взяли бы меня, а?

— Нѣтъ, неудобно... То полтора ста лѣтъ не было эха въ церкви, а то вдругъ—на тебѣ—сразу появилось.

— А вы куполь перестройте.

— Будемъ мы изъ-за тебя куполь перестраивать... Иди себѣ съ Богомъ.

Онъ бы умеръ съ голода, если бы я его ие взять себѣ въ слуги.

* *
*

Я долго молчалъ, размышляя о судьбѣ несчастного Джустино; потомъ спросилъ:

— Что же съ нимъ случилось?

— Промучился я съ нимъ годъ. Все не хватало духу выгнать. И когда я, взбѣшенный его манерой варить кофе, въ которомъ было на треть бензину, кричалъ:

"сегодня же забирай свои вещи и проваливай, бездарный негодяй!"—онъ прятался въ сосѣдную комнату и оттуда я слышалъ очень искусное эхо моихъ словъ:

"бездарный негодяй... дарный негодяй... и-и негодяй... негодяй... даяй... яяя..."

Это все, что умѣлъ дѣлать несчастный искалѣченный своей ненормальной судьбой парень.

— Гдѣ же онъ теперь?

— Выгналъ. Что съ нимъ, не знаю. Впрочемъ, недавно мнѣ въ Пизѣ говорили, что въ одной близлежащей деревушкѣ есть церковь, въ которой замѣчательное эхо,—повторяемое восемь разъ. Весьма возможно, что мой горемыка-слуга снова попадетъ на свои настоящія рельсы...

ПИРАМИДА ХЕОПСА.

Начало всей этой исторіи почему-то твердо врѣзалось мнѣ въ память. Можетъ быть, именно, потому я имѣю возможность, ухватившись за этотъ хвостикъ, размотать весь клубокъ, до самаго конца.

Приятно, очень приятно слѣдить со стороны за человѣкомъ, который въ простотѣ душевной увѣренъ, что всѣ звенья цѣпи его поступковъ скрыты отъ чужого взгляда и, потому онъ,—вышеупомянутый чело вѣкъ—простоудушно и безстыдно распускается пышнымъ махровымъ цвѣткомъ.

Авторъ— большой любитель такихъ чудесныхъ махровыхъ цвѣтковъ.

Итакъ, хватаю эту исторію за самый хвостъ:

Четыре года тому назадъ мнѣ пришлось прожить цѣлую недѣлю въ квартирѣ Новаковича—того самаго, который однажды зимой увѣрилъ всѣхъ, что можетъ проплыть въ водѣ шесть верстъ, а потомъ, когда я, поймавъ его лѣтомъ въ Севастополѣ, заставилъ продѣлать это—Новаковичъ отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что какой-то купальщикъ плюнулъ передъ тѣмъ въ воду.

Несмотря на такія странныя черты своего характера, Новаковичъ былъ въ сущности хорошимъ человѣкомъ, веселымъ, жизнерадостнымъ—и я не безъ удовольствія прожилъ у него эту недѣлю.

Какъ-то послѣ обѣда, уходя изъ дому, мы измыслили забавную мистификацію: напялили на мольбертъ пиджакъ и брюки Новаковича, набили это сооруженіе тряпками, увѣнчали маской, изображавшей страшную святочную харю и, крадучись, ушли, оставивъ дверь полуоткрытой.

По уходѣ нашемъ было такъ:

Первой вошла въ комнату сестра Новаковича; увидѣвъ страшное существо, стоявшее передъ ней на растопыренныхъ ногахъ, нахально откинувшись назадъ— она съ пронзительнымъ крикомъ отпрянула, шарахнулась вмѣсто двери въ шкапъ, набила себѣ на вискъ шишку и уже послѣ этого кое-какъ выбралась изъ комнаты.

Второй сейчасъ же вбѣжала горничная съ графиномъ воды, который она несла куда-то. Отъ ужаса она уронила графинъ на полъ и подняла крикъ.

Третьимъ пришелъ швейцарь, приглашенный перепуганными женщинами. Это былъ человекъ, котораго природа надѣлила желѣзными нервами. Подойдя къ молчаливому, жутко неподвижному незнакомцу, онъ сказалъ: "Ахъ ты, сволочь паршивая", размахнулся и ударилъ по страшной харѣ. Послѣ этого, полетѣвшій на полъ и буквально потерявшій голову незнакомецъ былъ освѣжеванъ, выпотрошенъ и водворенъ по частямъ на старое мѣсто: скелетъ поставили въ уголъ, мясо и кожу повѣсили въ платяной шкафъ, ноги задвинули подъ кровать, а голову просто выбросили...

Четвертымъ и пятымъ пришли мы съ Новаковичемъ. Въ зависимости отъ темперамента и общественнаго положенія мы были названы: "веселыми баринами", выдумщиками, вѣчно придумывающими что-нибудь эта кое..." и, наконецъ, "идіотами".

Графиня мы компенсировали веселымъ ужиномъ, въ

которомъ участвовали нѣсколько графиновъ—и тѣмъ вся исторія окончилась.

Впрочемъ, что я такое говорю—окончилась...

Она только началась.

* *
*

Прошло три недѣли.

Сидя въ уголкѣ гостиной на одномъ шумномъ вечерѣ я услышалъ и увидѣлъ слѣдующее.

Новаковичъ подошелъ къ одной группѣ острившихъ и рассказывавшихъ анекдоты мужчинъ—и сказалъ:

— Ну, что этотъ вашъ анекдотъ о купцѣ! Старина матушка. Его еще Ной Каину и Авелю въ Мессопотаміи рассказывалъ. А вотъ я вамъ расскажу фактъ, случившійся со мной...

— Ну, ну?

— Однажды вечеромъ, недѣли три тому назадъ я устроилъ у себя въ комнатѣ чучело человекъ, изъ мольберта, ботинокъ, костюма и святочной маски... Устроилъ, значить, и ушелъ... Ну-съ—заходить зачѣмъ-то моя сестра въ эту комнату... Видитъ эту штуку ну... и вы сами понимаете! Бросается вмѣсто дверей въ шкафъ—трахъ головой! Кровь ручьемъ! Падаешь въ обморокъ. На шумъ вбѣгаетъ горничная, а у нея въ рукахъ, можете представить, дорогой фарфоровый кувшинъ. Увидѣла лежащую хозяйку, увидѣла кровь, увидѣла этакого неподвижнаго страшнаго дядю, бросила дорогой фарфоровый кувшинъ на полъ,— да вонъ изъ комнаты. Выбѣжала на переднюю лѣстницу, а по лѣстницѣ какъ разъ швейцаръ поднимается съ телеграммой въ рукахъ. Бросается она на швейцара, сбиваетъ его съ ногъ, и катятся они внизъ по лѣстницѣ!! Ну, кое-какъ съ оханьями и проклятіями встаютъ, поднимаются, объясняются, швейцаръ беретъ револьверъ, идетъ въ комнату, пріотворилъ дверь, кричитъ: "Сдавайся!"—"Не сдамся!"—"Сдавайся!"—"Не сдамся!.."

— Виноватъ,—перебилъ Новаковича одинъ изъ слушателей, очень изумленный. — Кто же это могъ отвѣчать ему: "не сдамся"!? Вѣдь человекъ-то вашъ былъ сдѣланъ изъ мольберта и тряпокъ?..

— Ахъ, да... Вы спрашиваете, кто отвѣчалъ: "не сдамся!?" Гм... да. Это, видите-ли, очень просто: это сестра моя отвѣчала. Она, какъ разъ, очнулась отъ обморока, слышитъ, что кто-то кричитъ изъ другой комнаты "сдавайся!" да и подумала, что это товарищъ разбойника. Ну, и отвѣтила: "не сдамся!" Она у меня храбрая сестренка; вся въ меня.

— Да... Бываетъ. Что же дальше?

— Что? Швейцаръ изъ револьвера прямо въ грудь нашему чучелу: бахъ! Тотъ на полъ—бацъ. Бросились, а тамъ одни тряпки. Сестра со мной потомъ два мѣсяца не разговаривала.

— Почему два мѣсяца? Вы же говорите, что это произошло всего три недѣли тому назадъ.

— Ну, да! Что жъ такое... Уже три недѣли не раз-говариваетъ, да я думаю, еще недѣль пять не будетъ разговаривать—вотъ вамъ и два мѣсяца.

— Ахъ, такъ... Да... Бываетъ. Странная, странная исторія.

— Я же вамъ говорю! А вы имъ тамъ какой-то анекдотъ о купцѣ рассказываете!..

* *
*

Прошелъ годъ..

Однажды большая компанія собралась ѣхать на Иматру.

Были и мы съ Новаковичемъ.

Когда ѣхали въ вагонъ, то разсѣлись такъ, что я сидѣлъ черезъ двѣ скамейки—отъ Новаковича.

Видѣть я его не видѣлъ, но голосъ слышалъ,

Новаковичъ говорилъ:

— Я нахожу вашу ичторію съ привидѣніемъ конокрада—банальной— Вотъ со мной однажды случилась исторія—такъ исторія!

— Именно?

— Взялъ я однажды какъ-то, въ прошломъ году, да и соорудилъ у себя въ комнатѣ чучело

разбойника— из мольберта, пиджака, брюк и ботинок. Привязалъ къ рукѣ ножъ... большой такой острый... и самъ ушелъ. Заходить зачѣмъ-то въ комнату сестра — видитъ эту ужасную фигуру... Бросается вмѣсто дверей, въ бѣлѣвой шкафъ—трахъ! Дверка вдребезки, сестра вдребезги... Бросается она къ окну... Трахъ! Распахнула она его, да съ подоконника—прыгъ! А окно-то въ четвертомъ этажѣ... Послѣ этого вбѣгаетъ горничная, а въ рукахъ у нея на подносѣ дорогой фарфоровый сервизъ еще екатерининскихъ времянь... Отъ дѣда остался. Ему теперь и цѣны нѣтъ. Сервизъ, конечно, вдребезги, горничная тоже... вылетаетъ на лѣстницу, падаетъ на швейцара, который съ околочнымъ и двумя городовыми поднимался по лѣстницѣ кому-то повѣстку вручать и вся эта компанія, можете себѣ вообразить летить, какъ этакій бульденежъ—съ лѣстницы внизъ Крикъ, визгъ, стоны. Потомъ поднялись, разспросили горничную, подошли всѣ къ таинственной комнатѣ... Конечно, шашки на-голо, револьверъ на-голо... Приставъ кричить...

— Вы, говорили "околочный",—кратко поправилъ Новаковича одинъ изъ слушателей.

— Ну, да, не приставъ, а помощникъ пристава. Это все равно, что околочный... Онъ послѣ въ Батумѣ былъ приставомъ... Ну-съ, кричить, значить, приставъ въ дверь: "сдавайся!"—"Не сдамся!"—"Сдавайся!"—"Не сдамся!"

— Кто же это отвѣчалъ приставу: "не сдамся?". Вѣдь въ комнатѣ было только чучело...

— Какъ только чучело? А сестра?

— Да сестра вѣдь, вы говорите, выскочила изъ окна четвертаго этажа.

— Ну, да... Такъ вы же слушайте! Выскочить-то она выскочила, да зацѣпилась платѣмъ за водосточную трубу. Виситъ у самаго окна, вдругъ слышитъ: "сдавайся!" Думаетъ, разбойникъ кричитъ, ну, конечно, дѣвушка храбрая, съ самолюбіемъ: "не сдамся!" Хе-хе... "Ахъ,—говоритъ приставъ,—такъ ты такъ, мерзавецъ?! Не сдаваться? Пали въ него, ребята!" Ребята, конечно:

бахъ! бахъ! Чучело-то мое упало, но за чучеломъ стоялъ старинный столикъ красного дерева, какъ говорятъ, изъ загороднаго шале Марш Антуанеты... Столикъ, конечно, вдребезги: Зеркало старинное вдребезги!.. Входить потомъ... Ну, конечно, сами понимаете... Ужасъ, разгромъ... Спросите сестру, она вамъ расскажетъ;

когда бросились къ чучелу, такъ глазамъ не хотѣли вѣрить—такъ было все хорошо прилажено.

Сестра потомъ отъ нервной горячки померла, пристава въ Батумѣ перевели...

— Какъ же вы говорите, чтобы мы сестру спросили, а потомъ сообщаете, что она умерла?

— Ну, да. Что-жъ такое. Она и умерла. А зато другая сестра есть, которая при этомъ была и все видѣла...

— Гдѣ же она теперь?

— Она? Въ Восьмипалатинскѣ. За члена Судебной Палаты замужъ вышла. Съ минуту помолчали. Да-съ. Исторія съ географіей!

* *
*

...Недавно, войдя въ гостиную Чмутовыхъ, я увидѣлъ возбужденнаго Новаковича, окруженнаго цѣлымъ цвѣтникомъ дамъ.

— ...Полицеймейстеръ во главѣ наряда полиціи подходитъ къ дверямъ, кричитъ: "Сдашься ты, или нѣтъ?— "Не сдамся!"—"Сдашься?"—"Не сдамся!" "Пли, ребята!" Пятьдесятъ пуль! какъ одна—вдребезги! "Сдаешься?"—" Не сдамся!"—"Пли! Зови пожарную дружину!! Разбивай крышу! Мы его сверху возьмемъ! Выкуривай его дымомъ— взять его живымъ или мертвымъ!!" Въ это время возвращаюсь я... Что такое? Во дворѣ пожарная команда, дымъ, выстрѣлы, крики... "Виновать, г. по лицеймейстеръ", говорю я, "что это за исторія такая?"—" Опасный, говоритъ, бандитъ засѣлъ въ вашей комнатѣ... Отказывается сдаться!" Я смѣюсь: "А вотъ, говорю, мы его сейчасъ"... Иду въ комнату и выношу чучело подъ мышкой... Съ полицеймейстеромъ чуть ударъ не сдѣлался: "Это что за мистификаціи, кричить. Да я васъ за это въ тюрьмѣ сгною, шкуру спущу!!"—"Что-о?— отвѣчаю я.—Попробуй, старая калоша!"—Ш-штоссъ?! Выхватываетъ шашку—ко мнѣ! Ну, я не стерпѣлъ; развернулся... Потомъ четыре года крѣпости пришлось...

— Почему же четыре! Вѣдь это было года три назадъ?..

— А? Ну, да, Что-жъ такое... Три года и было. Подъ манифестъ попалъ.

— Ну, да... развѣ что такъ.

— Именно, такъ-съ!!

А когда мы съ нимъ вышли изъ этого дома и, взявшись дружески подъ руку, зашагали по тихимъ залитымъ луною улицамъ, онъ, интимно пожавъ мой локоть, сказалъ:

— Сегодня, когда ты вошелъ, я имъ одну исторію рассказывалъ. Ты начала не слышала. Изумительнѣйшая, прелюбопытнѣйшая исторія... Однажды устроилъ я въ своей комнатѣ изъ мольберта и разныхъ тряпокъ подобіе челоуѣка, а самъ ушелъ. Зашла зачѣмъ-то сестра, увидѣла...

Я не могъ дальше сдерживаться.

— Послушай,—сказалъ я.—Какъ тебѣ не стыдно рассказывать мнѣ ту самую исторію, которую мы

же съ тобой и устроили... Неужели, ты не помнишь? И драгоценных сервизовъ не было, полицеймейстера не было, пожарныхъ не было... А просто горничная разбила графинъ для воды, потомъ позвала швейцара, и онъ сразу разобралъ на кусочки все наше произведение...

— Постой, постой,—приостановился Новаковичъ.— Ты о чемъ это говоришь? О той исторіи, которую мы съ тобой подстроили? Ну, да-а!.. Такъ это совсѣмъ другое! То, дѣйствительно такъ было, какъ ты говоришь, а это было въ другое время. А ты, чудакъ, думалъ, что это то же самое? Ха-ха! Нѣтъ, это было даже на другой улицѣ... То было на Широкой, а это на Московской... И сестра была тоже другая... младшая... А ты думалъ?... Ха-ха! Вотъ чудакъ!

Когда я взглянулъ на его открытое, сіявшее искренностью и правдивостью лицо—я подумалъ: я ему не вѣрю, вы ему не повѣрите... Никто ему не повѣритъ. Но онъ—самъ себя вѣритъ.

* *
*

И строится, строится пирамида Хеопса до сихъ поръ...

АМЕРИКАНЕЦЪ.

Въ этомъ мѣстѣ рѣка дѣлала излучину, такъ что получалось нѣчто въ родѣ полуострова.

Выйдя изъ лѣсной чащи и увидѣвъ вдали блестяшіе на солнцѣ куски рѣки, разорванной силуэтами древесныхъ стволовъ. Стрекачевъ перебросилъ ружье на другое плечо и отеръ платкомъ потъ со лба.

Тутъ-то онъ и наткнулся на коряваго мужиченку, который, сидя на пнѣ сваленнаго дерева, весь ушелъ въ чтеніе какого-то обрывка газеты.

Мужиченка, заслышавъ шаги, отложилъ въ сторону газету, вздѣлъ на лобъ громадные очки и, ставивъ съ головы неопредѣленной формы и вида шляпченку, поклонился Стрекачеву.

— Драсти.

— Здравствуй, братецъ. Заблудился я, кажется.

— А вы откуда будете?

— На дачѣ я. Въ Овсянкинѣ. Оттуда.

— Верстовъ восемь будетъ отселева... Онъ пытливо взглянулъ на усталаго охотника и спросилъ:

— Ничего вамъ не потребуется?

— А что?

— Да, можетъ, что угодно вашей милости, такъ есть.

— Да ты кто такой?

— Арендатель,—солидно отвѣчалъ мужиченка, пе реступивъ съ ноги на ногу.

— Эту землю арендуешь?

— Такъ точно.

— Что жъ, хлѣбъ тутъ съешь, что ли?

— Гдѣ ужъ тутъ хлѣбъ, ваша милость! И въ заводѣ хлѣбовъ не было. Всякой дрянью поросло,—ни тебѣ дерева настоящія, ни тебѣ луга настоящіе. Буреломъ все, валежникъ, сухостой.

— Да что-жъ ты тутъ... грибы собираешь, ягоды?

— Нѣту тутъ настоящаго гриба. И ягоды тоже, къ слову сказать, чортъ-ма.

— Вотъ чудакъ,—удивился Стрекачевъ.—Зачѣмъ же ты тогда эту землю арендуешь?

— А это, какъ сказать, ваше благородіе, всяка земля человѣку на потребу дана и ежели произрастаніе не происходитъ, то, какъ говорится, человѣкъ не мытьемъ, такъ катаньемъ должонъ хлѣбъ свой соблюдать.

Эту невразумительную фразу мужиченка произнесъ очень внушительно и даже разгладилъ корявой рукой крайне скудную бороду, напоминавшую своимъ видомъ унылое "арендованное" мѣсто; ни тебѣ полюсу, ни тебѣ гладкаго мѣста,—одинъ буреломъ да сухостой.

— Такъ съ чего жъ ты живешь?

— Дачниками кормлюсь.

— Работаешь на нихъ, что ли?

Хитрый смѣющийся взглядъ мужиченки обшарилъ лицо охотника, и ухмыльнулся мужиченка лукаво, но добродушно.

— Зачѣмъ мнѣ на нихъ работать! Они на меня работаютъ.

— Врешь ты все, дядя,—недовольно пробормоталъ охотникъ Стрекачевъ, вскидывая на плечо ружье и собираясь уходить.

— Намъ врать нельзя, возразилъ мужиченка.— За чѣмъ врать! За это тоже не похвалятъ. Бабъ обожаютъ?

— Что?

— Нѣкоторые изъ нашего полу до удивленія бабъ любить.

— Ну?

— Такъ вотъ я, можно сказать, по этой бабьей части.

— Кого?!!

— А это мы вамъ сейчаоъ скажемъ—кого... Мужиченка вынулъ изъ-за пазухи серебряные часы, открылъ ихъ и, приблизивъ къ глазамъ, погрузился въ задумчивость... Долго что-то соображалъ.

— Шестаковская барыня, должно, больны нынче, потому уже пять день, какъ не показываются, значить, что же сейчасъ выходитъ? Такъ что, я думаю, время сейчасъ Маслобоевымъ-дачницамъ и Огрызкинымъ; у Маслобоевыхъ-то вамъ кромѣ губернанки профиту никакого, потому сама худа, какъ палка, а дочки опять же такая мелкота, что и вниманія не стояющія. А вотъ Огрызкиной госпожой довольны останетесь. Дама въ самой красотѣ и костюмчикъ я имъ черезъ горничную Агашу подсунулъ такой, что отдай все да и мало. Раньше-то у нея что-то такое надѣвывалось, что и не разберешь: не то армячекъ со сборочкой, не то какъ въ пальтъ оно выходило. А ежели безъ обтяжки—мой господа очень даже какъ обижаются. Не антиресно, вишь. А мнѣ что?... Да моя бы воля, такъ я безо всего, какъ говорится. Убудеть ихъ, что ли? Вѣрно я говорю?

— Чортъ тебя разбереть, что ты говоришь,—разсердился охотникъ.

— Дѣйствительно,—согласился мужиченка.—Вамъ не пинятно, какъ вы съ дальнихъ дачъ, а наши Окрочке дѣловскіе меня ни въ жисть не забываютъ. "Еремѣй, нѣтъ ли чего новенькаго? Еремѣй, не освѣжился ли лепретуарчикъ. Да я на эту, можетъ, хочу глянуть, а на ту не хочу, да куда дѣлась та, да что дѣлаеть эта?" Однимъ словомъ, первый у нихъ я человекъ.

— У кого?

— А у дачниковъ.

— Вотъ у тѣхъ, что за рѣкой?

— Зачѣмъ у тѣхъ? Тѣ ежели бы узнали—такую бы мятку мнѣ задали, что до зеленыхъ вѣнниковъ не забудешь. А я опять же говорю объ Окрочкедѣловскихъ. Тутъ за этимъ бугромъ ихъ штукъ сто, дачь-то. Вотъ и кормлюсь отъ нихъ.

— Да чѣмъ же ты кормишься, шутъ гороховый?! Мужиченка почесалъ затылокъ.

— Экой ты непонятный! Какъ да что... Посадишь барина въ яму—ну, значить и живи въ свое удовольствіе. Смотря, конечно, за что и платять. За Огрызкинскую барыню я, братъ, меньше цѣлковаго никакъ не возьму; Шестеренкины дѣвицы тоже—на всякій кусъ потрафють,—рупь съ четвертакомъ грѣхъ взять за этукую видимость али нѣтъ? Дрягина госпожа, Семененко, Косогорова, Лякина... Мало ли.

— Ты что же, значить,—сообразилъ Стрекачевъ,—купальщицъ на своей землѣ показываешь?

— Вофо. Ихъ, значить, тотъ берегъ, а мой, значить, этотъ. Имъ убытку никакого, а мнѣ хлѣбъ.

— Вотъ, каналья,—разсмѣялся Стрекачевъ.—Какъ же ты дошелъ до этого?

— Да вѣдь это, господинъ, кому какіе мозги отъ Бога дадены... Иду я о прошломъ годѣ къ рѣкѣ рыбку поудить—гляжу, что за оказія! Подъ однимъ кустомъ дачникъ бѣлѣтся, подъ другимъ кустомъ дачникъ бѣлѣтся. И у всякаго бинокль изъ глазъ торчитъ. Сдурѣли они, думаю, что ли. Тогда-то я еще о бинокляхъ и не слыхивалъ. Ну, подхожу, значить къ рѣкѣ по ближе... Эге-ге, вижу. Тутъ тебѣ и блонетки, и брондинки, и толстыя, и тонкія, и старыя, и малыя. Вотъ оно что! Ну, какъ значить, я во всю фигуру на берегу объявился—онѣ и подняли визгъ: "Убирайся, такой-ся кой, вонь, какъ смѣешь!.." И-и разстрекотались! Съ той поры я, значить, умомъ и вошелъ въ соображеніе.

— Значить, ты спеціально для этого и землю за арендовалъ?

— Спеціально. Шестьдесятъ рублей въ лѣто отвалиль. Ловко? Да биноклей четыре штуки выправиль, да кустовъ насажалъ, да ямъ нарыль—прямо удобство во какое. Сидишь эт-то въ прохладѣ, въ ямѣ на скамеечкѣ, слѣва пива бутылка (отъ себя держу: не желаете ли? Четвертакъ всего разговор), слѣва, значить, пива бутылка, справа папиросы...—живи не хочу!

Охотникъ Стрекачевъ постучалъ ружьемъ о свѣсившуюся вѣтку дерева и какъ будто вскользь, спросиль:

— А хорошо видно?

— Да ужъ ежели съ биноклемъ, прямо вотъ—рукой достанешь! И кто только это бинокли выдумяль,—памятникъ бы ему!.. Можетъ, полюбопытствуете?

— Ну, ты скажешь тоже,—ухмыльнулся конфузливо охотникъ.—А вдругъ увидяеть оттуда?

— Никакъ это невозможно! Потому такъ ужъ у меня пристроено. Будто кустъ; а за кустомъ яма, а въ ямѣ скамеечка. Чего жъ, господинъ... попробуйте. Всего разговор (онѣ приложили руку щиткомъ и воззрился острымъ взглядомъ на противоположный берегъ, гдѣ желтѣла купальня)... всего и разговор на рупь шестьдесятъ?!

— Это еще что за расчетъ?!

— Расчеты простые, ваше благородіе: Огрызкинская госпожа теперь купается—дамы замѣчательныя сами извольте взглянуть—рупь, потомъ Дрягина съ дочкой на пятиалтынный разговор, ну и за губернанку Лавровскую дешевле двухъ двугривенныхъ положить никакъ не возможно. Хучъ онѣ и губернанки, а благороднымъ ни въ чемъ не уступяеть. Костюмишко такой что, все равно, его бы и не было...

— А ну-ка... ты... тово...

— Вотъ сюда, ваше благородіе, пожалуйста, здѣсь двѣ ступенечки внизъ... Головку тутъ наклоните, чтобъ оттелева не примѣтили. Вотъ-съ такъ. А теперь можете располагаться... Пивка не прикажете ли

молоденькаго? Сей минутой бинокль протру, запогълъ что-то... Извольте взглянуть.

Смеркалось...

Усталый, проголодавшийся, выползь Стрекачевъ изъ своего убѣжища и, отыскавъ ружье, спросилъ коряваго мужиченку, сладко дремавшаго на поваленномъ деревѣ:

— Сколько съ меня?

— Шесть рублей двадцать, ваше благородіе, да за пиво полтинничекъ.

— Шесть рублей двадцать?! Это за что же такое столько? Навѣрно, жульничаешь.

— Помилуйте-съ... Огрызкинскую госпожу положимъ рупь, да губернанка въ полтинникъ у насъ всегда идетъ, да Дрягины—я ужъ мелюзги и не считаю,—да Синяковы трое съ бабушкой, да...

— Ну, ладно, ладно... Пошелъ высчитывать всякую чепуху!.. Получай!

— Счастливо оставаться! Благодаримъ покорниче!.. И подмигнувъ очень интимно, корявый мужиченка шепнулъ:

— А въ третьемъ и пятомъ номерѣ у меня съ обѣда наши Окрочеловскіе сидятъ. Ужъ и темно совсѣмъ, а ихъ никакъ не выкуришь. Веселые люди. дай имъ Богъ здоровья. Счастливо оставаться!

РѢЗНАЯ РАБОТА.

Недавно одинъ петроградскій профессоръ забылъ послѣ операціи въ прямой кишкѣ больного В. трубку (дренажъ) въ поль-аршина длиной.

Въ операционной кипить работа.

— Зашивайте,—командуетъ профессоръ. — А гдѣ ланцетъ? Только сейчасъ тутъ былъ.

— Не знаю. Нѣтъ ли подъ столомъ?

— Нѣтъ. Послушайте, не остался ли онъ тамъ?..

— Гдѣ?

— Да тамъ же. Гдѣ всегда.

— Ну, гдѣ же?!!

— Да въ полости желудка.

— Здравствуйте! Больного уже зашили, такъ онъ тогда только вспомнилъ. О чемъ вы раньше думали?!

— Придется расшить.

— Только намъ и дѣла, что зашивать да расшивать. Впереди еще шесть операцій. Несите его.

— А ланцетъ-то?

— Богъ съ нимъ, новый купимъ. Онъ недорогой.

— Я не къ тому. Я къ тому, что въ желудкѣ остался.

— Разсосется. Слѣдующаго! Первый разъ оперируетесь, больная?

— Нѣтъ, госнодинъ профессоръ, я раньше у Дубинина оперировалась.

— Ага!.. Ложитесь. Накладывайте ей маску Считайте! Ну? Держите тутъ, растягивайте. Что за странность! Прощупайте-ка, коллега... Странное затвердѣніе. А ну-ка... Ну, вотъ! Такъ я и думалъ... Пенснэ! Оригиналь этотъ Дубининъ. Отошлите ему, скажите—нашлось

— А жаль, что не ланцетъ. Мы бы имъ, вмѣсто пропавшаго, воспользовались... Зашивайте!

— А гдѣ марля? Я катушки что-то не вижу. Куда она закатилась?

— Куда, куда! Старая исторія. И что это у васъ за манія—оставлять у больныхъ внутри всякую дрянъ.

— Хорошая дрянъ! Марля, батенька, денегъ стоитъ

— Расшивать?

— Ну, изъ-за катушки... стоитъ ли?

— Я къ тому, что марля... въ животѣ...

— Разсосется. Я одинъ разъ губку въ желудокъ зашилъ и то нечего.

— Разсосалась?

— Нѣтъ, но оперированный горчайшимъ пьяницею сдѣлался.

— Да что вы!

— Естественно! Выпивалъ онъ потомъ, представьте, цѣлую бутылку водки—и ничего. Все губка впитывала. Но, какъ только животъ поясомъ потуже стянетъ—такъ сразу, какъ сапожникъ, пьянь.

— Чудеса!

— Чудеснаго ничего. Научный фактъ. Въ гостяхъ, гдѣ выпивка была бесплатная, онъ выпивалъ невѣроятное количество водки и вина и уходилъ домой совершенно трезвый. Потомъ дома уже—потреть руки, крикнетъ: "Ну-ка, рюмочку выпить, что ли! И даванеть себя кулакомъ въ животъ. Рюмку изъ губки выдавить, закусить огурцомъ, походить—опять: "Ну-ка, говорить, давнемъ еще рюмочку!.. Черезъ часъ—лыка не вяжетъ. Такъ пилъ по мѣрѣ надобности... Совсѣмъ какъ верблюды въ пустынѣ.

— Любопытная исто... Что вы дѣлаете? Что вы только дѣлаете, поглядите!!!.. Вѣдь ему гланды нужно вырѣзать, а вы животъ разрѣзали!!!

— Гм... да... Заговорился. Ну, все равно разъ разрѣзаль—поглядимъ: нѣтъ ли тамъ чего?..

— Нѣтъ?
 — Ничего нѣтъ. Странно.
 — Разсосалось.
 — Зашивайте. Ффу! Усталъ. Закурить, что ли... Гдѣ мой портсигаръ?
 — Да тутъ онъ былъ; недавно только держали. Куда онъ закатился?
 — Неужто, портсигаръ зашили?
 — Оказія. Что же теперь дѣлать?
 — Что, что! Курить—смерть какъ хочется. И потомъ вещь серебряная. Расшивайте скорѣй, пока не разсосался!
 — Есть?
 — Нѣтъ. Пусто, какъ въ карманѣ банкрота.
 — Значить, у кого нибудь другого зашили. Всѣ оперированные здѣсь?
 — Неужели, всѣхъ а распарывать?
 — Много ли ихъ тамъ,—шесть человѣкъ! Порите.

 — Всѣхъ перепороли?
 — Всѣхъ.
 — Странно. А вотъ тотъ молодой человѣкъ, что въ двери выглядываетъ. Этого, кажется, пропустили. Эй, вы—какъ васъ?—ложитесь!
 — Да я...
 — Нечего тамъ,—не "да я"... Ложитесь. Маску ему. Считайте.
 — Да я...
 — Нажимайте маску крѣпче. Такъ. Гдѣ ножъ? Спасибо.
 — Ну? Есть?
 — Нѣтъ. Ума не приложу, куда портсигаръ закатился. Ну, очнулись, молодой человѣкъ?
 — Да я...
 — Что "вы", что "вы"?! Говорите скорѣе, некогда...
 — Да я не за операціей пришелъ, а отъ вашей супруги... Со счетомъ изъ башмачнаго магазина.
 — Что же вы лѣзете сюда? Только время отнимаете! Гдѣ же счетъ? Ложитесь, мы его сейчасъ извлечемъ.
 — Что вы! Онъ у меня въ карманѣ...
 — Разрѣзываютъ карманъ! Накладывайте на брюки, маску...
 — Господинъ профессоръ, опомнитесь!.. У меня счетъ и такъ вынимается изъ кармана. Вотъ извольте.
 — Ага! Извлекли? Зашивайте ему карманъ.
 — Да я...
 — Слѣдующій!—бодро кричитъ профессоръ.—Очистите столъ. Это что тутъ такое валяется?
 — Гдѣ?
 — Да вотъ тутъ на столѣ.
 — Гм! Чей-то сальникъ. Откуда онъ?
 — Не знаю.
 — Сергѣй Викторовичъ, не вашъ?
 — Да почему жъ мой?!—огрызается ассистентъ.— Не меня же вы оперировали. Навѣрное, того больного у котораго камни извлекали.
 — Ахъ, ты жъ, Господи,—вотъ наказаніе! Верните его, скажите пусть захватить.
 — Молодой человѣкъ! Сальничекъ обронули...
 — Это развѣ мой?
 — Больше ничей, какъ вашъ.

 — Такъ что же я съ нимъ буду дѣлать? Не въ ру какъ же его носить... Вы вставьте его обратно!
 — Эхъ, вотъ возня съ этимъ народомъ! Ну, ложитесь. Вы уже поролись?
 — Нѣтъ я только зашивался.
 — Я у васъ не забылъ своего портсигара?
 — Ей Богу, въ глаза не видаль... Зачѣмъ мнѣ...
 — Ну, что-то у васъ глаза подозрительно бѣгаютъ. Лежитесь! Маску! Считайте! Нажимайте! Растягивайте!
 — Есть?
 — Что-то такоу —нащупывается... Какое то инородное тѣло. Дайте.
 — Ну?
 — Пойдите... Что это? Нѣтъ, это не портсигаръ.

— Бумажка какая-то... Странно... Э, чортъ! Видите?
 — Ломбардная квитанція!
 — Ну, конечно: "Подержанный серебряный портсигаръ съ золотыми инициалами М. К.". Мой!
 Вотъ онъ куда закатился! Вотъ тебѣ и закатился..
 — Хе-хе, вотъ тебѣ и разсосался.
 — Оборотистый молодой человекъ!
 — Одесситъ, не иначе.
 — Вставьте ему его паршивый сальникъ и гоните вонъ, Больныхъ больше нѣтъ?
 — Нѣтъ.
 — Сюртукъ мнѣ! Ж-живо! Подайте сюртукъ.
 — Вашъ подать?
 — А то чей же?
 — Тутъ нѣтъ никакого сюртука.
 — Чепуха! Тутъ же былъ.
 — Нѣтъ!.. Неужели..?
 — Чортъ возьми, какой неудачный день! Опять сызнава всѣхъ больныхъ пороть придется. Скорѣе, пока не ряэсосался! Гдѣ фельдшерица?
 — Нѣтъ ея..
 — Только что была тутъ!
 — Не зашили ли давеча ее въ одессита?!
 — Неужели, разсосалась?..
 — Ну и денекъ!.. ..

ДРАМА ВЪ СЕМЬѢ БЫРДИНЫХЪ.

Въ богатыхъ апартаментѣхъ графа Бырдина раздался болѣзненный стонъ.
 Съ расширенными отъ ужаса глазами, схватившись за голову, застылъ графъ, и его взглядъ—взглядъ по мѣшаннаго—блуждалъ по страницѣ развернутаго иллюстрированнаго журнала.
 — Да, это такъ,—глухо произнесъ онъ.—Сомнѣній быть не можетъ!
 Испустивъ проклятіе, графъ схватилъ журналъ и помчался съ нимъ въ будуаръ графини.

* *
 *

Графиня Бырдина—красавица роскошнаго? тѣлосложенія лежала на изящной козеткѣ и читала романъ въ желтой оберткѣ, изъ французскаго быта.
 Ея высокая пышная грудь, какъ волна въ приливъ, вздымалась легкимъ дыханіемъ, бѣлыя полныя руки соперничали нѣжностью съ легкой воздушной матеріей пеньюара, а волнистая линія ведеръ свела бы съ ума самаго записнаго анахорета.
 Вотъ какова была графиня Бырдина!

* *
 *

Какъ вихрь, ворвался несчастный графъ въ будуаръ жены.
 — Полюбуйтесь!—со стономъ произнесъ графъ (они не забывались даже, когда были съ глазу на глазъ и называли другъ друа всегда на "вы").—Полюбуйтесь Читали!
 — Что такое?—привстала встревоженная графиня.— Какое нибудь несчастье?
 — Да ужъ... счастьемъ назвать это трудно!— горько произнесъ графъ.
 Графиня судорожно схватила журналъ и на великолѣпномъ французскомъ языкѣ прочла указанное мужемъ мѣсто:
 — "Въ предстоящемъ зимнемъ сезонѣ модными сдѣлаются опять худыя женщины. Полныя фигуры, такъ шумѣвшія въ прошломъ сезонѣ, по всѣмъ признакамъ, несомнѣнно, должны выйти изъ моды".

"Тихо сидѣла графиня, склонивъ голову подъ этимъ неожиданнымъ грубымъ ударомъ.
 Ея потупленный взоръ остановился на тувелькахъ полной прекрасной ножки ея, нескромно обнаженной пеньюаромъ больше, чѣмъ нужно..
 Съ тувелекъ взоръ перешелъ на колѣни, на прекрасный достойный рѣзца Праксителя станъ, и замеръ этотъ взоръ на высокой волнующейся груди.
 И болѣзненный стонъ вырвался у графини. Какъ подкошенная, склонилась она къ ногамъ графа, обнимая его колѣни. Моментъ былъ такой ужасный, что оба, сами того не замѣчая, перешли на "ты".